

Лидия Гортинская

Эхо
прошлого

Лидия Гортинская

Эхо прошлого

<https://litres.ru/73976801>

SelfPub; 2026

Аннотация

Автор идеи — Ярута Наталья Михайловна, главный специалист АО «ЗАСЛОН».

В 2184 году экспедиция корпорации «Заслон» отправляется в северные леса Республики Коми, чтобы исследовать загадочные чудские ямы. То, что начинается как научная проверка древней легенды, быстро превращается в открытие, способное изменить представления о времени, истории и самом существовании исчезнувшего народа чудь.

Доктор Тея Вольская обнаруживает под землей не просто археологический артефакт, а древний портал, связанный с прошлым. Через него она устанавливает связь с Айной — девушкой из народа чуды, жившей много веков назад. Между двумя временами возникает тонкая нить, а вместе с ней пробуждается опасность, которую хранители прошлого сдерживали веками.

Теперь Тее предстоит сделать выбор: подчиниться приказу корпорации и открыть путь к величайшему открытию человечества — или защитить мир от силы, которая не должна выйти наружу.

Содержание

Часть I. Отпечатки времени	5
1. Тея Вольская. Республика Коми, 2184 год	5
2. Девушка народа чудь. Много веков назад	13
3. Тея. Республика Коми, 2184 год	16
Часть II. Камень, который помнит	19
4. Тея. Республика Коми, 2184 год	19
5. Айна	23
6. Тея. Республика Коми, 2184 год	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Лидия Гортинская

Эхо прошлого

Эхо прошлого

Часть I. Отпечатки времени

1. Тея Вольская.

Республика Коми, 2184 год

Я никогда не любила ветер. Особенно такой. Он не просто дул, он давил, скручивал верхушки елей в тугие жгуты, швырял ледяную крупу в бронестекло вездехода и выл так, словно весь северный лес пытался прогнать нас обратно.

– Прекрасная погода для археологии, – пробормотала Наталья Петрова.

Я посмотрела на нее:

– Ты же сама выбрала отправиться в экспедицию.

– Да, но я рассчитывала на древние тайны, а не на арктический апокалипсис. Я вообще люблю работать в лаборатории, тут просто решила немного проветриться.

С заднего сиденья фыркнул Вик Денисов.

– Легенды всегда прячутся там, где неудобно копать.

Я усмехнулась. Он вообще любил бросаться фразами так, будто заранее искал их в своих сетевых цитатниках. Но на этот раз он был прав.

Корпорация «Заслон» редко занималась археологией. Их специализация – технологии, безопасность, оборонные си-

стемы и все, что связано с передовыми исследованиями. Но иногда компании такого масштаба интересуются вещами, которые лежат на границе науки и легенд.

Проект «Эхо прошлого» появился именно так.

Три года назад спутники «Заслона» зафиксировали в этом районе странные энергетические колебания. Слишком слабые, чтобы считаться аномалией, но слишком устойчивые, чтобы их можно было списать на природный шум. Когда данные начали сравнивать с историческими источниками, всплыли старые северные легенды о народе чудь – о людях, которые однажды «ушли под землю» и исчезли без следа.

В обычной академической среде подобные совпадения обсуждают на конференциях и забывают через неделю. Но «Заслон» – не университет. Если существует хотя бы малейшая вероятность, что древние культуры оставили после себя неизвестные технологии или знания, которые могут изменить представления о физике, корпорации проще отправить экспедицию, чем спорить с историками.

Поэтому проект «Эхо прошлого» получил финансирование, о котором большинство научных институтов могли только мечтать.

В итоге нас сделали командой, которой предстояло проверить легенду, хотя, наш куратор называл это куда честнее: самой безрассудной авантюрой в истории корпорации.

Вездеход остановился.

– Приехали, – сказал пилот.

Я первой выбралась наружу, холодный воздух сразу ударил в лицо. Снег в лесу еще не сошел окончательно, стоял апрель, тот самый северный апрель, когда зима вроде бы отступает, но на самом деле еще очень холодно.

Перед нами лежала поляна. Она была неровной, будто кто-то когда-то вспахал землю и бросил ее так, не выровняв. Между пятнами серого мха лежали островки мокрого снега. Он проваливался под ногами, обнажая темную, тяжелую землю. И в этой земле были ямы. Десятки.

Сначала они казались просто темными пятнами среди снега. Но стоило присмотреться – и становилось ясно: это не следы эрозии и не провалы почвы.

Это были аккуратные округлые углубления, почти правильной формы. Некоторые – широкие, метра три в диаметре, другие меньше. Края их заросли прошлогодней травой и карликовым кустарником, а внутри лежал серый снег, смешанный с черной землей.

Словно кто-то много веков назад вырезал из поляны куски земли и забрал их с собой. Тающий снег стекал по склонам этих ям тонкими грязными ручейками. Вода собиралась на дне, где виднелась темная глина.

С высоты это, наверное, выглядело как странный узор или как поле древних могильников.

Пилот не заглушил двигатель. Я оглянулась на него. Мотор вездехода глухо урчал, выпуская в холодный воздух облака пара.

– Ты чего? – спросила я.

Он смотрел на поле, на ямы, и, кажется, совсем не соби-
рался выходить.

– Мне здесь не нравится, – сказал он наконец.

Наташа хмыкнула.

– Очень научное замечание.

Но пилот даже не улыбнулся.

– Местные сюда не ходят.

Вик вскинул брови.

– Из-за полян?

– Из-за того, что рядом с ними всегда что-то не так.

Он сказал это буднично, и оттого прозвучало неприятнее.

– Что именно? – спросила я.

Пилот пожал плечами, но было видно, что говорить ему
не хочется.

– Олени обходят это место. Компасы здесь врут. Связь
пропадает. А старики в ближайшем поселке говорили, что
по ночам над ямами бывает свет. Не как от костра. И не как
от техники. Просто свет как будто из-под земли.

Ветер ударил в лицо ледяной крупой.

– И что, никто не пытался проверить? – спросил Денисов.

Пилот коротко усмехнулся.

– Пытались, потом перестали.

– Почему?

Он посмотрел на меня.

– Потому что один охотник здесь пропал. А другого на-

шли через два дня в лесу. Живого, но седого. Он все повторял: «Не ходите к воротам».

На секунду стало очень тихо. Даже ветер будто отступил, чтобы дать этим словам прозвучать как следует.

Наташа вздрогнула:

– Прекрасно. Просто прекрасно. Проклятое место, северный лес и корпоративный контракт. Обожаю свою работу!

Я ничего не сказала. Поляна мне не нравилась с первой секунды. Было в ней что-то неправильное. Не опасное даже, а чужое. Словно это место не пустовало, а просто ждало.

И когда я посмотрела на ближайшую яму, меня вдруг пробрало странное ощущение, будто меня узнали.

Я резко отвела взгляд и мысленно одернула себя. Глупости!

– Разворачиваем оборудование, – сказала я.

Вик уже вытаскивал из контейнера хроно-сканер Ф-184.

В официальных презентациях все звучало красиво. Сканер фиксирует слабые остаточные энергетические следы – микроскопические изменения в структуре материи, которые остаются после любого события. Движение людей, тепло костра, удар металла о камень, даже сильные эмоции – все это на доли секунд меняет распределение энергии в окружающем пространстве. Ф-184 собирал эти следы, усиливал их и строил вероятностную модель того, что происходило на этом месте раньше. Проще говоря – машина могла показать прошлое.

Конечно, не как в кино. Никаких голографических призраков или записей событий. Только сложные графики, энергетические карты, временные срезы и математические реконструкции, из которых аналитическая система «АнаКом» собирала гипотезу. Иногда получались удивительно точные вещи.

В прошлой экспедиции мы таким образом нашли стоянку бронзового века, о которой никто не подозревал. В другой раз – древнюю дорогу, давно исчезнувшую под болотом.

Рекламщики «Заслона» называли это археологией нового поколения. Но у сканера была одна особенность, о которой они предпочитали не писать в брошюрах. Иногда он показывал слишком много.

Система работала, как я говорила, с вероятностями. Она собирала слабые сигналы, усиливала их, достраивала картину – и иногда делала выводы, которые выглядели... странно.

Однажды в Арктике прибор упорно показывал человеческие фигуры там, где мы знали, что людей никогда не было. В другой раз реконструкция события оказалась на тысячу лет старше, чем сама порода вокруг.

Инженеры объясняли это шумом данных. Я называла это иначе. Места тоже помнят. И иногда память пространства оказывается глубже, чем хотелось бы исследователям.

Я посмотрела на поле чудских ям. Если где-то и могли храниться старые следы времени, то именно здесь.

Сканер поднялся на треноге. Его сферический датчик

медленно вращался. Внутри загудела сверхчувствительная матрица, способная улавливать энергетические остатки событий.

– «АнаКом» готов, – сказала Наташа.

Перед нами вспыхнул голографический экран.

– Тея, начинаю сканирование, – сказал Денисов.

Сфера загорелась мягким голубым светом. На экране поползли графики. Тишина. Только ветер. Пять минут. Десять.

Ничего.

Я уже собиралась сказать: «Достаточно», – когда прибор вдруг резко пискнул. Экран вспыхнул. Линии графиков сломались.

– Что за бред... – пробормотал Денисов.

Я наклонилась ближе.

На дисплее возникла структура – сложная, пульсирующая. Она напоминала... портал.

– Это невозможно, Вольская, – сказал Денисов.

– Объясни почему.

Он провел рукой по графику и запнулся:

– Здесь... здесь нарушена структура времени.

Наташа тихо сказала:

– Я же говорила, что легенды не возникают на пустом месте.

Я посмотрела на яму. Темную. Старую. И вдруг вспомнила голос прабабушки. Иногда она говорила по-фински, и я понимала не все. Но одну фразу помнила хорошо: «Älä mene

sinne. Не ходи туда».

2. Девушка народа чудь. Много веков назад

Меня зовут Айна. Моя мать говорила, что это имя значит «единственная».

Я не знаю, правда ли это. В нашем народе имена редко объясняют прямо. Их скорее чувствуют, чем понимают.

Но старейшины часто смотрят на меня странно. Будто ждут, что однажды я скажу что-то важное. Или услышу то, что не слышат другие.

Сегодня лес тревожен. Даже птицы молчат. Я стою у края священной ямы. Мы называем ее portti – ворота.

Она старая. Старше деревни, старше троп, которыми ходят охотники. Старейшины говорят, что яма появилась здесь еще до того, как наши предки поставили первые дома у реки.

Обычно она выглядит как обычная земляная впадина, заросшая мхом и травой. Но сегодня все иначе. Воздух над ней дрожит, словно в жаркий день над нагретыми солнцем камнями. И земля под ногами тихо гудит.

Старый Вайно сказал утром:

– Сегодня ворота откроются.

Я не верю ему. Но все равно чувствую, как внутри становится холодно.

– Айна.

Я оборачиваюсь. Это мой брат Мика. Он стоит чуть даль-

ше, между соснами, и машет мне рукой.

– Tule tänne. Иди сюда.

Я подхожу к нему.

– Что случилось?

Он смотрит на юг, туда, где лес становится темнее.

– Разведчики вернулись.

Я сразу понимаю. Чужаки. Они приходят все ближе каждый год. Сначала появляются на дальних реках. Потом на тропах. Потом возле наших лесов. Они жгут леса, чтобы расчистить землю. Ставят свои дома. Пилят деревья. Они не слышат землю. Не чувствуют ее дыхания. Для них все вокруг – просто вещи.

Я иду к кругу старейшин. Их костер горит голубым пламенем. Это знак.

Старый Вайно сидит ближе всех к огню. Его лицо освещено странным холодным светом.

Он поднимает голову, когда я подхожу.

– Время пришло, – говорит он.

– Для чего? – спрашиваю я.

Он долго смотрит на меня. Так долго, что мне становится не по себе.

И наконец говорит тихо:

– Для перехода.

По кругу проходит шепот.

– Siirtymä... Переход.

Я чувствую, как холодок поднимается по спине.

– Мы уйдем? – спрашиваю я.

– Да.

– Куда?

Вайно улыбается. Но в его улыбке нет радости.

– За грань мира.

Я снова смотрю на яму.

На ее темную глубину. И вдруг мне кажется, что там, внизу, кто-то смотрит, не на старейшин, на меня!

3. Тея. Республика Коми, 2184 год

Ночью мне приснился сон. Я стояла у костра. Но лес вокруг был не тот, что мы видели днем. Он был другим – густым, живым, почти первобытным. Деревья казались выше, воздух теплее, и в темноте между стволами медленно двигался огонь.

Рядом со мной стояла девушка. Она смотрела прямо на меня – спокойно, внимательно, будто давно меня знала.

Она заговорила на языке, который я когда-то слышала от бабушки. Мягкие, тягучие звуки перекатывались, как вода в ручье. И все же я понимала их – не словами, а смыслом, словно кто-то тихо шептал перевод прямо у меня в голове.

– *Kuka sinä olet?* (*финский* – Кто ты?)

Я хотела ответить. Но слов не нашлось. Ни на русском, ни на финском, ни на каком другом языке.

Девушка шагнула ближе и коснулась моей руки. Ее пальцы были теплыми.

И вдруг она сказала:

– Ты слышишь нас.

Я резко проснулась. Сердце колотилось так, будто я только что бежала через лес. В палатке было темно и прохладно. За стенкой выл ветер.

Я некоторое время лежала, пытаюсь понять, где сон, а где реальность. Потом выбралась наружу. Небо было черным,

без луны. Только редкие звезды холодно мерцали между облаками. И тогда я увидела свет.

Над ближайшей ямой висело слабое серебристое мерцание. Оно не освещало землю, не разливалось вокруг – просто дрожало в воздухе, словно дыхание.

Я замерла. В этот момент за спиной тихо пискнул сканер. Я обернулась. Ф-184 включился сам. Сфера датчика медленно вращалась, а на голографическом дисплее вспыхивали новые строки данных.

– Вот это уже интересно... – сказал за моей спиной Вик, шумно отхлебывая кофе.

Я вздрогнула и обернулась. Он стоял у входа в лабораторный модуль, закутавшись в куртку и держа кружку в руках.

– Ты почему не спишь? – спросила я. – Ты тоже это видишь?

– Кошмары снятся, – пробормотал он и подошел ближе к экрану. Сначала смотрел спокойно. Потом нахмурился. А через секунду побледнел.

– Тея...

– Что?

Он медленно поднял глаза.

– Здесь кто-то отвечает на сигнал.

Я повернулась к яме. Серебристый свет все еще дрожал над ее краем.

И впервые в жизни я почувствовала, что археология может быть опаснее космических экспедиций. Потому что ино-

гда прошлое не просто хранит память, иногда оно смотрит прямо на меня.

Часть II. Камень, который помнит

4. Тея. Республика Коми, 2184 год

Иногда научная экспедиция напоминает мне плохой брак: все устали, всем холодно, но никто не хочет первым признать, что мы здесь слишком долго.

Три дня подряд выл ветер. Настоящий северный, злой ветер, который не просто дует, а давит на уши и стены так, будто хочет проверить, насколько крепко ты держишься за этот мир.

Работать было невозможно. Сканер после первого запуска вдруг замолчал и больше ни на что не реагировал. Ни одного сигнала, ни одного отклонения. Просто ровная линия на экране, словно под этой поляной не происходило вообще ничего. В первые часы мы пытались делать вид, что все нормально.

Наталья сортировала образцы почвы, Вик перепроверял калибровку приборов, я писала отчеты для начальства. Потом отчеты закончились.

Началась скука. К счастью, палатки у нас были не обычные. Корпорация «Заслон» не сэкономила на экспедициях. Наш полевой лагерь состоял из трех модулей – надувных, многослойных, с термоизоляцией, автономным отоплением

и встроенной системой очистки воздуха. Внутри было сухо, тепло и тихо, даже когда снаружи ветер бил по стенкам, как будто кулаками.

В лабораторном модуле стояли рабочие станции, сканеры и голографические дисплеи. В жилом – узкие койки, маленькая кухня, душ, кофемашина и даже проектор для фильмов.

Честно говоря, иногда я думала, что с удовольствием жила бы в такой палатке постоянно. Компактно, тепло и никакой городской суеты. Если не считать того, что вокруг сотни километров леса.

На второй день мы начали откровенно бездельничать. Денисов смотрел старые фильмы, Наталья читала какую-то научную монографию и каждые полчаса комментировала ее вслух, я пыталась поймать связь.

Интернет работал плохо. Спутниковый канал то появлялся, то исчезал, словно тоже не хотел находиться рядом с этими ямами.

На третий день скука стала почти физической. Мы даже обсуждали идею сходить в лес, просто размяться, пройтись по старым охотничьим тропам.

Но каждый раз разговор как-то сам собой затихал. Никто не говорил этого вслух, но всем было не по себе. Слишком тихий лес. Слишком странная поляна. И эти ямы, которые будто смотрели на лагерь из темноты.

Поэтому мы остались в палатках, пили чай и кофе литрами и делали вид, что нас это устраивает. На четвертое утро

ветер стих настолько резко, что это показалось подозрительным. Лес стоял неподвижно, как будто ждал. Я вышла из палатки раньше остальных. Небо было серым и тяжелым, словно низко опущенная крышка.

Я направилась к той самой яме. Сканер Ф-184 стоял рядом, погруженный в тихий режим наблюдения. Его сферический датчик медленно вращался.

Но странность была в другом. Показания не обнулились за эти дни.

Обычно хроно-следы распадаются быстро – максимум за несколько часов. Но здесь сигнал... держался. Я провела рукой по голограмме на экране, на нем появились странные периодические колебания.

– Ты что так рано?

Я обернулась.

Вик стоял рядом, кутаясь в термокуртку.

– Сканер работает, – сказала я.

– Я заметил. Скорее всего, недавно включился.

Он посмотрел на графики.

– Это невозможно.

– Ты уже говорил.

– Но теперь я уверен.

Он ткнул пальцем в один из пиков.

– Видишь этот импульс?

– Да.

– Он повторяется каждые двадцать секунд.

– И?

Денисов посмотрел на меня так, будто я должна была догадаться сама.

– Это ответ.

Мне стало холодно.

– На что?

Он криво усмехнулся.

– На наш сигнал.

Мы молчали. Ветер снова начал тихо шевелить верхушки деревьев.

И вдруг сканер издал резкий звук. Экран ярко вспыхнул. На голограмме появилась новая структура. Сложная. Почти симметричная. Она напоминала...

– Человеческую фигуру, – тихо сказала я.

Денисов прошептал:

– Тея... кажется, мы постучали в дверь.

5. Айна

Меня разбудили еще до рассвета. Мать наклонилась надо мной и тихо сказала только одно слово:

– Аика. Время.

Я сразу поняла. В деревне было необычно тихо. Не слышно детских голосов, не скрипели двери, не лаяли собаки. Даже птицы не пе­ли.

Люди уже проснулись, но никто громко не разговаривал. Тишина была тяжелой, как перед бурей.

Я надела меховой плащ и вышла из дома. Утро было холодным. Туман лежал между деревьями, и дым от костров поднимался прямо вверх – без ветра.

Все уже собирались у священной ямы. Мужчины стояли ближе к краю, в темных мехах, с копьями и ножами у поясов. Женщины держались чуть дальше, завернувшись в длинные плащи. На их шеях и висках поблескивали серебряные подвески – старые знаки нашего народа.

Некоторые тихо пе­ли. Низко, почти шепотом. Старую песню, которую поют только перед важными обрядами. Я подошла ближе.

Старейшины стояли у самой ямы. Среди них – Вайно. Он держал в руках каменную пластину.

Она была тяжелой и старой, серой, словно высеченной из самой земли. По ее поверхности тянулись узоры – спирали,

линии, кольца, пересекающиеся друг с другом.

Старейшины называли их следами мира. Когда я была маленькой, я однажды спросила Вайно, что это значит.

Он долго смотрел на плиту, потом сказал:

– Это карта того, чего нет.

Тогда я ничего не поняла. Теперь понимаю немного больше. Сегодня яма выглядела иначе. Обычно она была просто глубокой впадиной, заросшей травой и мхом.

Но теперь ее глубина светилась. Слабым серебряным светом. Словно там медленно дышал огонь. Земля под ногами тихо дрожала.

Люди чувствовали это. Я видела, как некоторые невольно касаются земли ладонями.

Старейшины перестали петь. Вайно поднял руку.

И вся поляна замерла.

– Tšudin väki. Народ чуди, – сказал он.

Его голос был негромким, но его слышали все.

– Maailma muuttuu. Мир меняется. Люди, пришедшие с юга, принесут войну.

По кругу прошел тихий гул. Я видела, как мужчины переглядываются. Как старики качают головами. Мы уже слышали о них. О людях, которые рубят леса. Которые строят города. Которые берут землю и не спрашивают ее разрешения.

Но Вайно продолжил:

– Мы не будем воевать!

Мой брат резко сжал кулаки.

– Почему?

Старейшина посмотрел на него спокойно.

– Потому что есть путь лучше.

Он подошел ближе к краю ямы и медленно положил каменную плиту на землю. В тот же миг свет из глубины усилился. Серебряное сияние поднялось выше, словно ответило на знаки, вырезанные на камне.

Люди ахнули.

– Мы перейдем, – сказал Вайно.

Холод сжал мою грудь.

– А если там ничего нет? – спросила я.

Старейшина повернулся ко мне. Он смотрел долго. Очень внимательно. Будто искал что-то за моими глазами.

– Там есть другая дорога времени.

Я не до конца понимала его слова. Но вдруг почувствовала странное ощущение. Будто кто-то смотрит. Издалека. Очень издалека. Из другого мира. Я замерла. И на мгновение мне показалось, что я слышу очень тихий женский голос. Словно он проходит через воду и камень. Я не разобрала слов. Но одно чувство было ясным. Кто-то пытается говорить со мной.

6. Тея. Республика Коми, 2184 год

Раскоп начали в полдень. К этому времени ветер окончательно стих, и лес вокруг поляны стоял неподвижно, будто тоже наблюдал за происходящим.

Наталья Петрова командовала процессом так, словно готовилась к операции на сердце.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.